

СООБЩЕНИЯ

И. А. Кузьмина

О «БОТКИНСКОМ» ПЕРИОДЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕТА

(весна — лето 1857 года)

В настоящее время документально подтверждена принадлежность к «боткинскому» периоду шести стихотворений Фета, это: «В альбом. В первый день Пасхи» (8 апреля),¹ «Другу» (15 мая),² «Еще майская ночь» (16 мая),³ «Цветы» (17 мая),⁴ «Я был опять в саду твоём...» (6—8 июня),⁵ «Расстались мы, ты странствуешь далече...» (первая декада июня).⁶ К перечисленному можно добавить стихотворение «Был чудный майский день в Москве...», предположительно датированное Ю. П. Благоволиной 18 мая.⁷ Итого семь стихотворений, все они, по словам самого поэта, были написаны «под влиянием» Марии Боткиной, ставшей в середине мая его невестой. Однако, судя по письму Фета к В. П. Боткину от 14 июня,⁸ их должно быть не меньше пятнадцати.

Поскольку материал для датировки стихов Фета отсутствует, обратимся к рукописям поэта, а именно к одной из двух чистовых тетрадей, хранящихся в Пушкинском Доме. В первой из них, в так называемой «Тетради 1», содержатся автографы стихотворений за 1854—1859 го-

¹ См. вступит. статью к нашей публикации «Письма Фета к М. П. Боткиной» в наст. томе, примеч. 8.

² См. письмо Фета к Боткиной от 15 мая 1857 г. (№ 3).

³ См. письмо Фета к В. П. Боткину от 18 мая 1857 г.: *Фет/Боткин*. С. 192.

⁴ Там же. С. 192—193.

⁵ См. письмо Фета к Боткиной от 8 июня 1857 г. (№ 7).

⁶ См. письмо Фета к Боткиной от 9—11 июня 1857 г. (№ 8).

⁷ *Фет/Боткин*. С. 192; см. также с. 193, примеч. 7.

⁸ Там же. С. 194

ды.⁹ Зная первое из «боткинских» стихотворений («В альбом. В первый день Пасхи») и установив последнее, можно вычленив всю группу, при условии, что Фет заносил в тетрадь сочиненные стихи регулярно. Жизненные обстоятельства, в которых находился тогда поэт, позволяют предполагать, что он именно так и поступал.

Нетрудно заметить, что в *Тетради 1* отсутствует значительное количество стихотворений, написанных во время Крымской войны (1854—1856).¹⁰ Создается впечатление, что Афанасий Афанасьевич забыл взять с собой тетрадь, собираясь в поход. Начиная с весны 1856 года, по возвращении полка Фета на постоянные квартиры, ситуация меняется к лучшему. Последовательность стихов, помещенных после «Сна поручика Лосева», читанного Фетом А. В. Никитенко 27 апреля,¹¹ судя по скудным сведениям, которыми мы располагаем, в целом не противоречит хронологии: за парижскими стихами следуют итальянские, нередко публиковавшиеся с пометой «Рим». В тетрадь не занесена поэма «Две липки», над которой Фет работал в Италии,¹² другие же стихи, о которых известно, что они написаны в 1856 году, находятся на своем месте. И все же можно задаться вопросом: была ли чистовая тетрадь с Фетом за границей или он только по возвращении в Россию перенес туда стихи из записной книжки. Относительно «боткинского» периода такого вопроса не возникает: с марта 1857 года скитания Фета окончились, его жизнь приняла «оседлый» характер. Существенно и то, что после отъезда невесты за границу поэт занялся обустройством квартиры и отчаянно нуждался в деньгах. Фет сотрудничал с ведущими изданиями того времени, в число которых входили «Современник», «Библиотека для чтения», «Русский вестник». Гонорары стали

⁹ ИРЛИ. № 14166. На корешке вытиснена дата 4 января 1854 г., однако, как заметил Б. Я. Бухштаб, «очень вероятно, что в нее первоначально было вписано все, что не было напечатано к тому времени в журналах, в том числе стихи, написанные до 1854 г.» (*Бухштаб. Обзор*. С. 602). См. публ. В. А. Лукиной «Первая рабочая тетрадь Фета (1854—1859)» в наст. томе (С. 627—637).

¹⁰ По мнению Н. Н. Черногулова, к периоду Крымской войны, когда Фет служил на побережье Балтийского моря, относятся: «Пароход», «Морской залив», «Ревель», «Приметы», а также «Памяти Д. Л. Крюкова» (*Черногулов Н. Н. К хронологии стихов Фета // Северные цветы*. М., 1902. С. 222—223). Кроме того, в письмах Фета к Некрасову 1854—1855 гг. посылались: «Буря» («Свежеет ветер. Меркнет ночь...»), «Забудь меня, безумец испуганный!..»; упоминаются: «Диана, Эндимион и сатир» и перевод из Овидия «На смерть попугая» (*Некрасов. Переписка*. Т. 1. С. 521, 536—537). Из всего перечисленного в тетради есть только «Буря», причём вписана она среди стихов 1857 г.

¹¹ См.: *Фет. ССЦП*. Т. 1. С. 511.

¹² *Черногулов Н. Н. К хронологии стихов Фета*. С. 223.

существенной статьёй его дохода — можно ожидать, что он вел строгий учет своим стихам, не забывая их переписывать в чистовую тетрадь.

Общее впечатление от той части *Тетради 1*, где помещены стихи интересующего нас периода, сводится к следующему. Оригинальные свои стихи (то есть *не переводы*) Фет записывал по одному на лист, всегда, за исключением трех случаев, на лицевой стороне. Если текст не помещался на лицевой стороне, то окончание переходило на оборот. Кроме того, на обороте записывались варианты соседних стихов, есть неоконченный набросок. Некоторые обороты остались чистыми. Переводы записаны как на лицевых сторонах, так и на оборотных. Даты отсутствуют.

«Победа! Безоружна злоба...» записано на листе 67. Начиная с этого текста, идет совокупность стихотворений, написанных весной и летом 1857 года. Обращенное к Боткиной стихотворение «Другу» («Когда в груди твоей страдаешь...»), датированное самим Фетом 15 мая, в тетради отсутствует. Если же полистать тетрадь далее, то обнаружится, что там отсутствует и другое стихотворение, дата которого приблизительно известна, а именно экспромт «Весь переезд забавою...», сочиненный для памятной книги капитана Крюгера в начале августа. Экспромт мог бы служить важной вехой, отделяющей стихи, написанные перед отъездом за границу, — от стихов, написанных после. Но, видимо, замечание Б. Я. Бухштаба, что *Тетрадь 1* была предназначена для распределения стихов по журналам,¹³ следует признать справедливым. Слишком личное «Другу», как и стихотворение «на случай» «Весь переезд забавою...», Фет предлагать журналам, очевидно, не собирался и потому в тетрадь не занес.

Зато на листе 91 находим «Псовую охоту» — первое стихотворение, сочиненное после женитьбы. Что это именно так, следует из писем поэта к В. П. Боткину за сентябрь — ноябрь 1857 года, сохранившихся в полном составе.

Едва покинув Париж, Феты возобновили переписку с оставшимся за границей Василием Петровичем, их первое письмо, от 3 сентября, отправлено из Любека, где супруги доживали свой медовый месяц в ожидании багажа.¹⁴ О стихах — молчание. Во втором письме, от 28 сентября, написанном через неделю по прибытии в Москву, Фет замечает, что «еще не довольно уютился», чтобы приниматься за работу,¹⁵ видимо имея в виду свой перевод трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра». Наконец, письмо от 21 октября вносит полную ясность: «Новых стихов пока ни строки — да и не может быть в этой суматохе

¹³ Бухштаб. *Обзор*. С. 602.

¹⁴ Фет/Боткин. С. 199–200.

¹⁵ Там же. С. 205.

и безурядице. Исправил некоторые, в том числе „Бельведерского“. Перевожу с английского „Антон<ия> и Клеопатру“, и вчерне 1-й акт почти готов». ¹⁶ Новые стихи: «Псовая охота» и «Вчера я шел по зале освещенной...» находим только в письме от 4 ноября. ¹⁷ Напрашивается вывод, что все стихи, упоминаемые в источниках до 21 октября включительно, относятся к «старым» стихам, то есть были написаны никак не позже августа. ¹⁸

Перед свадьбой Фет много переводил из Гёте и Гейне, но переводы оставим пока без внимания. Кроме того, среди текстов, записанных на листах 67—90, находим два стихотворения прежних лет, которые Фет пытался переработать, «Бурю» и «Мне грустно...». Текст «Бури» содержится в письме Фета к Некрасову от 27 июня 1854 года. ¹⁹ Второе стихотворение опубликовано в 1852 году в «Москвитянине». Исключив как указанные стихи, так и переводы, и вставив на надлежащее место «Другу», получаем следующий перечень стихотворений:

- 1) Л. 67. «В альбом. В первый день Пасхи» («Победа! Безоружна злоба...»).
- 2) Л. 68. «Морской берег» («Как хорош чуть мерцающим утром...»).
- 3) Л. 69—69 об. «Целый заставила день меня промечтать ты сегодня...».
- 4) Л. 71. «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...».
- 5) «Другу» («Когда в груди твоей страданье...»).
- 6) Л. 73. «Еще майская ночь» («Какая ночь! на всем какая нега...»).
- 7) Л. 74. «Цветы» («С полей несется голос стада...»).
- 8) Л. 75—75 об. «Был чудный майский день в Москве...».
- 9) Л. 77. «Если ты любишь, как я, бесконечно...».
- 10) Л. 78. «Свеча нагорела. Портреты в тени...».
- 11) Л. 79. «Италия» («Италия, ты сердцу солгала...»).
- 12) Л. 82. «Весенний дождь» («Перед окном еще светло...»).
- 13) Л. 83. «Рыбка» («Тепло на солнышке. Весна...»).
- 14) Л. 84. «Расстались мы, ты странствуешь далече...».
- 15) Л. 85. «Я был опять в саду твоём...».
- 16) Л. 85 об. «На стоге сена ночью южной...».
- 17) Л. 86. «Музе» («Надолго ли опять мой угол посетила...»).

¹⁶ Там же. С. 213. Под «Бельведерским» имеется в виду стихотворение «Аполлон Бельведерский», написанное, вероятно, в Италии.

¹⁷ Там же. С. 217—218.

¹⁸ На этом основании можно с уверенностью отнести к «старым» стихам «Бал». «4 стихотворения: „К певиче“, „Бал“ и еще два отдал на днях Каткову», — сообщает Фет в письме от 21 октября 1857 г. (*Фет/Боткин*. С. 214).

¹⁹ См. примеч. 10.

18) Л. 87. «Лесом мы шли по тропинке единственной...».

19) Л. 88. «Бал» («Когда трепещут эти звуки...»).

20) Л. 89. «Ни тучки нет на небосклоне...».

21) Л. 90 об. «Какая ночь! Как воздух чист...».

Отметим, что хронологический порядок, насколько можно судить, нигде не нарушен. Стихотворения с известными датами: «Еще майская ночь» и «Цветы» — записаны одно за другим. Далее следует «Был чудный майский день в Москве...», что подтверждает датировку Ю. П. Благоволиной, переводя ее из предположительных в несомненные. Июньские «Расстались мы, ты странствуешь далече...» и «Я был опять в саду твоём...» расположены рядом. Последнее, судя по письму Фета, можно датировать 6—8 июня, что устанавливает довольно точные хронологические рамки для № 1—15: от 8 апреля по 8 июня. Датировка оставшихся шести номеров (с «На стоге сена ночью южной...» по «Какая ночь...») неопределенна. Попробуем предположительно установить крайние даты.

Ни в Любеке, ни в Москве за целый месяц проживания Фет, целиком погруженный в налаживание семейного быта, не написал ни одного стихотворения. Логично предположить, что, за исключением вынужденного экспромта, он ничего не писал и в предшествующий период, то есть после отъезда из России 31 июля. Путешествие, тревожные мысли о том, как его встретит невеста, предсвадебные хлопоты — все это создавало атмосферу, несовместимую с творчеством. В таком случае совокупность «боткинских» стихотворных текстов, начатых апрельским пасхальным поздравлением, формально завершается экспромтом «Весь переезд забавою...», и соответственно последние шесть стихотворений могли быть созданы в июне или июле. При этом достоверно известно, что во второй половине июня Фет стихов не писал.²⁰

На наш взгляд, нет оснований сомневаться в том, что все тексты из представленного списка занесены в тетрадь в «боткинский» период. Вопрос в другом: нет ли среди них текстов, написанных в предыдущие

²⁰ «Стихов более двух недель не писал», — замечал поэт в письме к Боткиной от 30 июня (см. письмо 14). А в недатированном письме ей же (от 9—11 июня) Фет сообщает: «На днях душевные волнения прервали поток искреннего вдохновения, бивший все это время горячей струей» (см. письмо 8), и приводит текст одного «из последних стихотворений» («Расстались мы. Ты странствуешь далече...»). Но по тетради, после «Расстались...» следует «Я был опять в саду твоём...», написанное, скорее всего, 6 июня, во всяком случае не позже 8-го. От 8 до 30 прошло более трех недель, а не двух. На этом основании (надо признать, довольно шатком) можно предположить, что после «Я был опять в саду твоём...» Фет написал в июне еще стихотворение или два.

годы? Пример «Бури» настораживает. Стихотворение это не публиковалось и нигде не упоминалось. Если бы письмо к Некрасову с автографом «Бури», подобно многим и многим письмам Фета, пропало, ошибка при датировке стихотворения по месту в тетради была бы неизбежна. Вряд ли таких «гостей из прошлого», если они и есть, может быть больше одного-двух стихотворений: последняя книга Фета вышла чуть более года назад. Но полностью исключить возможность их существования нельзя.

Представленный список в целом очерчивает круг стихотворных текстов, которые, по всей вероятности, были написаны весной — летом 1857 года. При этом не исключено, что Фет не записал в тетрадь что-нибудь из не предназначенного к печати. Ю. П. Благоволина вслед за Г. Д. Аслановой уверенно причислила к «боткинскому» циклу стихотворение «Anruf an die Geliebte Бетховена», считая, что оно было написано 14 или 15 мая, перед отъездом невесты.²¹ Однако в тетради «Anruf an die Geliebte» помещено среди текстов, созданных в Риме.

Относительно некоторых стихов представленного перечня: «Какая ночь! Как воздух чист...», «Если ты любишь, как я, бесконечно...», «Музе» («Надолго ли опять мой угол посетила...») Г. Д. Асланова уже высказывала предположение, что они обращены к Боткиной.²² Вместе с теми семью стихотворениями, чья принадлежность к «боткинскому» периоду доказана, это составляет половину всего количества. Остальные же стихи с именем Марии Боткиной никогда не связывались. В заключение остановимся на одном из них, написанном, судя по положению в тетради, в апреле — мае:

Цельй заставила день меня промечтать ты сегодня:
Только забудь — опять ты предо мною в саду.
Если очнусь, застаю у себя на устах я улыбку;
Вновь позабудь, и вновь листья в глазах да цветы,
И у суровой коры наклоненного старого клена
Милая дева-дита, в белом ты чинно седишь.
Да! ты ребенок еще, но сколько любви благодатной
Светит в лазурных очах мальчику злomu вослед.
Златоволосый, как ты, на твоих он играет коленях:
В вожжи твой пояс цветной силясь (шалун!) обратить.
Крепко сжимая концы ленты одною ручонкой,
Веткой левкою тебя хочет ударить другой.

²¹ *Фет/Боткин*. С. 158, 183, примеч. 24.

²² «Навстречу сердцем к Вам лечу»: История женитьбы А. А. Фета по архивным документам // *Новый мир*. 1997. № 5. С. 207; «От тебя одной зависит мое полное счастье...»: Письма А. А. Фета к невесте // *Наше наследие*. 1999. № 49. С. 42.

Полно, шалун! ты сронил диадему с румяной головки;
Толстою прядью скользя, вся развернулась коса.
Цвет изумительный: точно опала и бронзы сиянье,
Иль назревающей ржи колос слегка-золотой.
О, Афродита! не твой ли здесь шутит кудрявый упрямец?
Долго не даром вокруг белый порхал мотылек.
Мне еще памятен образ Амура и нежной Психеи,
Душу мою ты в свой мир светлый опять унесла.²³

Это тот случай, когда стихотворение, вписанное в хронологический ряд, обретает новый смысл. Перед нами Мария Боткина, играющая с ребенком (вероятно, с одним из сыновей Екатерины Петровны Щукиной),²⁴ в саду своего дома на Маросейке. Фет, всегда равнодушный к красоте женских волос, восхищается золотистым цветом ее косы.²⁵ Все детали: цветущий сад, мотылек, летний наряд девушки — соответствуют поздней весне. Видимо, стихотворение было написано в разгар ухаживаний поэта, в мае 1857 года. Но тогда и следующее стихотворение, «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...», передвигается с апреля—мая — на май.

²³ Цит. по: *Фет. ССДП*. Т. 1. С. 242.

²⁴ У Щукиных к этому времени было четыре сына: Николай (1852—1910), Петр (1853—1912), Сергей (1854—1936) и Дмитрий (1855—1932).

²⁵ В письме от 10 июля Фет писал невесте: «Позволь мне для собственного наслаждения перечислить все твои достоинства. Умна, добра, нежна и поэтому скромна, и видит жизнь с настоящей, а не с извращенной стороны. Бережлива и толковита, *блондинка* (Выделено мною. — *И. К.*) и любит меня» (см. письмо 20).